

ДАННЫЕ ДРЕВНЕПРУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РЕШЕНИЯ  
НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ БАЛТИЙСКОГО  
ВОКАЛИЗМА

А. Б. БРЕЙДАК

(Рига)

*Abstract*

Old Prussian is in many respects more archaic than Lithuanian. Therefore the data of Old Prussian are of considerable importance when dealing with controversial issues of the historical and comparative study of the Baltic languages, such as the problem of the Proto-Baltic reflexes of IE \**o*, \**a*, \**ā*. On the basis of Old Prussian evidence the author argues that the Proto-Baltic reflex of IE \**o*, \**a* was an open \**o*, and that of IE \**ā* an open \**ō*.

Древнепрусский язык во многих отношениях более архаичен, чем литовский язык. Поэтому данные древнепрусского языка имеют немаловажное значение для решения спорных проблем балтийского сравнительно-исторического языкознания.

Данные древнепрусского языка (особенно материалы Эльбингского словаря и топонимы древней Пруссии, извлеченные из разных источников) послужили И. Казлаускасу и В. Мажюлису отправной точкой для создания новой гипотезы о развитии балтийского вокализма. Однако, представители традиционной гипотезы оценивают эти данные древнепрусского языка по-иному. Так, Хр. Станг и З. Зинкявичюс считают эти данные диалектной особенностью помезанского диалекта, не имеющей никакого значения для решения спорных проблем истории балтийского вокализма<sup>1</sup>. Эту точку зрения обоснованно критиковал А. Гирдянис<sup>2</sup>.

<sup>1</sup>Stang 1966:25–26; Зинкявичюс 1972:8–9, 12.

<sup>2</sup>Гирдянис 1977:302.

Так как в лингвистике продолжают споры о значении данных древнепрусского языка для решения спорных проблем истории балтийского вокализма, то мы остановимся подробнее на этой проблеме.

В Эльбингском словаре, по подсчетам Я. Эндзелина, вместо *o* написано *o* всего в 19 древнепрусских словах, напр., *bordus* 'борода' Е 101: лит. *barzdà* 'борода', *golis* 'смерть' Е 168: лит. *gàlas* 'конец, смерть'<sup>3</sup>. По мнению же Хр. Станга, в Эльбингском словаре только 14 достоверных примеров с *o* вместо *a*<sup>4</sup>.

Возникает вопрос, как объяснить *o* в древнепрусских письменных памятниках.

По мнению Хр. Станга, гласный *o* в помезанском диалекте древнепрусского языка (=Эльбингском словаре) наличествует за губными и заднеязычными согласными, а сам гласный *o* в большинстве случаев предшествует тавтосиллабическим *r*, *l*, *m*, *i*, т.е. является первым компонентом дифтонга или дифтонгического сочетания. В помезанском диалекте первый компонент дифтонгов и дифтонгических сочетаний удлинился и удлиненный *a* приблизился к *o*. Из этого Хр. Станг делает вывод, что гласный *o* в помезанском диалекте является вторичным, а не сохраненным более древним *o*<sup>5</sup>. К этому мнению присоединяется также З. Зинкявичюс<sup>6</sup>.

Необходимо отметить некоторые неточности в объяснении Хр. Станга. Во-первых, не все случаи написания *o* в Эльбингском словаре поддаются этому объяснению, напр. в слове *romestue* 'barte' Е 532 (ср. лит. *remėsas* 'ремесленник, плотник', русск. *ремесло*) гласный *o* не следует за губным или заднеязычным согласным и за гласным *o* следует гетеросиллабический (не тавтосиллабический!) согласный *m*. Во-вторых, гласный *o* наличествует не только в Эльбингском словаре, но изредка и в словаре С. Грунау и в III катехизисе, а также в древнепрусских топонимах и антропонимах. По правильному замечанию Я. Эндзелина, в древнепрусских топонимах и антропонимах написание *o* вместо *a* выступает без какой-либо

<sup>3</sup>Endzelin 1936:94-98.

<sup>4</sup>Stang 1966:25.

<sup>5</sup>Stang 1966:26.

<sup>6</sup>Зинкявичюс 1972:9.

закономерности<sup>7</sup>. Из этого можно заключить, что объяснение написания *o* вместо *a* в древнепрусском, данное Хр. Стангом, не состоятельно.

У. Шмальстиг объясняет случаи написания *o* вместо *a* в древнепрусских письменных памятниках влиянием особенностей немецкой артикуляции авторов этих памятников. По его мнению, создатели древнепрусских письменных памятников воспринимали звуки древнепрусского языка через призму фонематической системы родного языка. О влиянии немецкого языка на графимику древнепрусских письменных памятников якобы свидетельствует написание немецких слов *Jor*, *Omese*, *Sonnobent* и др.<sup>8</sup>. Но, во-первых, не доказано, что все авторы древнепрусских письменных памятников были немцами, некоторые из них могли быть и древними пруссами. Во-вторых, во второй половине Эльбингского словаря мы наблюдаем отклонение от нормы немецкого языка, поэтому вполне логично предположить противоположное, т.е. влияние фонетических особенностей древнепрусского языка (наличие долгого *ō* и отсутствие долгого *ā* в XIII - XV вв.) на написание немецких слов.

Нам представляется более убедительным и обоснованным мнение И. Казлаускаса о первичности гласного *o* и вторичности гласного *a* в древнепрусском. Можно согласиться с И. Казлаускасом, что древнепрусские слова с написанием *o* отображают более раннее состояние помезанского или какого-либо другого диалекта, если они попали из него в Эльбингский словарь при переписывании<sup>9</sup>.

Гласный *ō* (или дифтонг *oa* в некоторых диалектах?), соответствующий литовскому литературному *o* (= *ō*), латышскому литературному *ā*, славянскому *a*, широко представлен в древнепрусских письменных памятниках (в Эльбингском словаре и частично в словаре С. Грунау). Этот гласный (или дифтонг?) в корне слова обозначен, во-первых, дигтафом *oa*, напр., *moazo* 'Muhme' Е 178: лит. *mōša* 'сестра мужа', лтш. *māsa* 'сестра', во-вторых, графемой *o*, напр., *brote* 'брат' Е 173: лит. *broterėlis* 'братик', лтш. *brātarītis*, то

<sup>7</sup>Endzelin 1936:95.

<sup>8</sup>Schmalstieg 1972:161.

<sup>9</sup>Казлаускас 1962:21.

же (в народных песнях), ст.-слав. *братръ* 'брат'.

В суффиксах гласный *ō* в Эльбингском словаре обозначен графемой *o*, напр., *artoys* 'Ackermann' E 263: лит. *artójas* 'пахарь'.

В окончании (исторически в суффиксе) именительного падежа единственного числа имен существительных с основой на *-ā* гласный *ō* в древнепрусских памятниках (в Эльбингском словаре и частично в словаре С. Грунау) обозначен графемой *o*, напр., *geppo* 'Weib' E 188: ст.-слав. *жена, ranso* 'рука' G 21: лит. *rankà* 'рука'. Также в окончании именительного падежа множественного числа имен существительных с основой на *-ā* гласный *ō*, если он не был сокращен, в Эльбингском словаре передан графемой *o*, напр., *wayos* 'луга' E 282: лит. *vėjos* 'травы, муравы'.

Наличие открытого гласного *ō* в древнепрусском языке подтверждается и данными древнепрусской топонимии, напр., *Globite* 1422 г.: лит. *Globis, Wobsdis* 1331 г.: лит. *opšrūs* 'барсук', лтш. *āpsis* то же<sup>10</sup>.

В сембийском диалекте древнепрусского языка (в катехизисах) долгий открытый гласный *ō* за губными и небными гласными дал рефлекс *ū*, напр., *mūti* 'мать' K III 67: лит. *mótė* 'женщина; жена; мать (матери)', лтш. *māte* 'мать', *mergūmans* 'den Mägden' K III 95: лит. *mergómus* 'девкам; девушкам'. В других позициях долгий открытый гласный *ō* в сембийском диалекте дал рефлекс *ā*, напр., *brāti* 'брат' K III 67. Кроме того, необходимо отметить, что в I и во II катехизисах sporadически сохранилась и графема *o* для обозначения долгого открытого гласного *ō*<sup>11</sup>.

Даже не зная конкретной хронологии и других экстралингвистических фактов, можно с уверенностью утверждать, что диалектная основа Эльбингского словаря архаичнее диалектной основы катехизисов потому, что, во-первых, Эльбингский словарь старше катехизисов приблизительно на 250 лет, во-вторых, данные этого словаря подтверждаются также сембийскими топонимами, зафиксированными в XII – XV вв., и, в-третьих, по данным Эльбингского словаря в помезанском диалекте долгий открытый гласный *ō* еще

<sup>10</sup>Mažiulis 1970:12–13.

<sup>11</sup>Endzelīns 1943:27; Mažiulis 1970:11–12.

не расщеплен на два звука – *ā* и *ū*<sup>12</sup>. Нельзя пренебрегать и тем обстоятельством, что данные древнепрусского языка, изложенные в настоящей статье, хорошо согласуются с данными балтизмов прибалтийско-финских и волжско-финских языков<sup>13</sup>.

### Сокращения

E = Эльбингский словарь

G = Словарь С. Грунау

K = катехизис

### Литература

- Breidaks, A. (1975), "Baltijas somu valodu dati baltu vokālisma vēsturei", *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis* 4, 90–100.
- Брейдак, А. Б. (1980), "Из истории балтийского вокализма", *Lingua Posnaniensis* 23, 65–79.
- (1983), "Некоторые данные балтизмов финно-угорских языков для истории балтийского вокализма", *Baltistica* 19 (1), 46–51.
- (1988), "Disputable problems in the history of Baltic vocalism", *Lingua Posnaniensis* 31, 31–44.
- (1990), "Древнейшие балто-финно-угорские связи и их значение для истории балтийского вокализма", in: *Uralo-indogermanica*. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей: Материалы 3-ей балто-славянской конференции, 18–22 июня 1990 г. Ч. I. Москва, 122–126.
- Endzelin, J. (1936), "Zum o fur a im Elbinger Vokabular", *Studi baltici* 5, 94–98.

<sup>12</sup>Гирдянис 1977:302.

<sup>13</sup>Breidaks 1975:90–100; 1988:31–36; Брейдак 1980:70–73, 76–79; 1983:46–47; 1990:122–126.

- Endzelīns, J. (1943), *Senprāšu valoda*, Rīga: Universitāte.
- Гирдианис, А. (1977), [Рец.] "Балто-славянский сборник. Москва, Наука, 1972, 424 с.", in *Baltistica* 13 (1), 300-303.
- Казлаускас, И. (1962), "К развитию общебалтийской системы гласных", *Вопросы языкознания* 4, 20-24.
- Mažiulis, V. (1970), *Baltų ir kitų indoeuropėjų kalbų santykiai. Deklinacija*, Vilnius: Mintis.
- Schmalstieg, W. R. (1972), "Baltų ir slavų vokalizmo sistėmų raidos chronologija", *Baltistica*, Priedas I, 159-164.
- Stang, Chr. S. (1966), *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*, Oslo etc.: Universitetsforlaget.
- Зинквичюс, З. (1972), "О развитии балтийского вокализма", in: В. Н. Топоров, ed., *Балто-славянский сборник*, Москва: Наука, 5-14.

Raunas ielā 45/5  
R ī g a 59  
Latvija

Anton Breidaks

## Eine genaue Entsprechung zu apr. *kellewesze* im Russisch-Kirchenslawischen

RAINER ECKERT

(Berlin)

Abstract

In his book "Warhaftige Beschreibung der Sudawen auff Samland sambt ihren Bock heyiligen und Ceremonien" (1561 or 1562 or 1563) Maletius twice uses the Old Prussian sentence *Kellewefze perioth* 'the driver was coming'. *Kellewefze* is a compound noun with the stem \**kelle-*, comp. OP. *kelan* 'wheel' or \**kela-* 'cart' and *wesze*, comp. Lithuanian *vėžti, vežù, vežiaù* 'to drive, to carry'. V. N. Toporov compares the Old Prussian word to Proto-Slavic \**kolovozъ* 'wheel-rut, track of carriage-wheels', but there is a divergence in the meaning. We found out, that the only exact counterpart of OP. *Kellewefze* is Russian Church Slavonic *kolovozecъ* or *kolovozecъ* 'who lives in the cart, nomade'.

Unter den fragmentarischen altpreußischen Texten des 14. bis 16. Jahrhunderts führt V. Mažiulis in der jüngsten Ausgabe der altpreußischen Sprachdenkmäler (Mažiulis 1981:63) aus dem Büchlein des Hieronymus Maletius (um 1525 - 1583) "Warhaftige Beschreibung der Sudawen auff Samland / sambt ihren Bock heyiligen und Ceremonien" (1. Aufl. 1561 oder 1562 und 2. Aufl. 1563?) folgenden, ein Mal sich wiederholenden Satz an: *Kellewefze perioth* / *Kellewefze perioth* 'der treiber ist kommen'. In der Einleitung zum 1. Band seiner "Altpreußischen Sprachdenkmäler" erklärt er in der deutschen Übersetzung das Wort *treiber* noch durch *Wagentreiber*, ebenso in einer Fußnote seines 2. Bandes der erwähnten Edition der apr. Sprachdenkmäler (Mažiulis 1966:63, Anm. 11), wobei er hier noch das lit. *ratavežys*